

Она написана интересно, с прекрасным знанием рассматриваемых вопросов, выводы достаточно аргументированы и являются серьезным вкладом в историческую этнографию народов Сибири. К сожалению, крайне малый тираж книги сократит число лиц, которые могли бы с ней ознакомиться.

Примечания

¹ К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // *Этнография Северной Азии*. Новосибирск, 1980. С. 163–171; *Традиции в развитии оленеводства народов Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири*. Л., 1986. С. 42–56; *Оленеводство у русских // Русский Север и Ингерманландия*. СПб., 1997. С. 100–121; *Чум в культуре народов Западной Сибири и вопросы его происхождения // Этнограф. обозрение*. 2002. № 1. С. 79–93.

² *Хомич Л.В.* Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 290 (примеч. 1), С. 154 (примеч. 34).

³ *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 151–156.

⁴ *Савенков Н.Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910. С. 206; *Кызласов И.Л.* Древнехакасские сани // *Вопросы этнографии Хакасии*. Абакан, 1981. С. 45–67.

Л.В. Хомич

© ЭО, 2004 г., № 6

Л.Н. Хаховская. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан, 2003. 325 с.

История формирования и судьбы креольского, смешанного русско-аборигенного населения Сибири, Севера и Дальнего Востока все чаще привлекают внимание исследователей как в нашей стране, так и за рубежом¹. В этой связи отрядным событием стал выход в свет первой монографии, посвященной метисному населению Охотского побережья. Ее автор, магаданский этнограф Людмила Николаевна Хаховская, не скрывала, что одной из основных целей исследования была реабилитация этнонима “камчадал”. Л.Н. Хаховская рассматривает камчадалов Магаданской обл. как особую этническую группу смешанного происхождения, избегая употреблять в их отношении термин “русские старожилы Сибири”. Этноним “камчадал”, возникнув в местной среде, был официально утвержден советским государством в первой четверти XX в. и бытует до сих пор². В то же время противопоставлять эти два термина (хотя бы в целях научного анализа) представляется неверным. Между камчадалами и другими группами метисного русско-аборигенного населения Сибири (индигирщиками, колымчанами и др.) существует много общего.

Л.Н. Хаховская исследовала этнические процессы, протекавшие в XVII–XX вв. на севере Охотского побережья между пришлым русским и аборигенным населением, рассмотрела вопросы происхождения, численности и этнического состава камчадалов Магаданской обл., впервые дала этнографическую характеристику этой смешанной культуре, проанализировала критерии этнической идентификации камчадалов.

Л.Н. Хаховская стоит на объективистской позиции, считая этнические группы объективными реальностями, “каждая из которых характеризуется специфическим сочетанием свойств, в различной степени поддающихся трансформации и обладающих различной устойчивостью перед внешним воздействием” (с. 5). Одновременно она подчеркивает возможность направленного влияния на формирование этничности, в связи с чем подробно анализирует государственную политику в отношении камчадалов.

Анализ формирования культуры и этнической идентичности камчадалов проведен Л.Н. Хаховской на обширной источниковедческой базе. Исследовательница привлекла архивные документы как дореволюционного, так и советского времени, данные сельских советов, статистического учета (к сожалению, в библиографии отсутствует их полный систематизированный список). Были использованы также полевые материалы автора (правда, не указано время и место их сбора), фотографии и документы из личных архивов информантов. Существенно дополнила эти источники обширная неопубликованная рукопись У.Г. Поповой – местной уроженки, больше известной как специалиста по этнографии эвенов³. Хочется пожелать

магаданцам опубликовать ее отдельной книгой – ценные полевые материалы, на которых основана работа У.Г. Поповой, стали бы достоянием многих специалистов. В качестве сравнительного материала можно порекомендовать автору некоторые работы по другим группам смешанного населения Сибири, например, исследования А. Сгибнева, В.М. Зензинова, А.Г. Чикачева, Н.Ф. Прытковой⁴.

Книга построена в традиционном стиле историко-этнографического исследования, что правомерно, учитывая отсутствие монографий о камчадалах Магаданской обл. Она состоит из пяти глав: этническая история, хозяйственная деятельность, материальный комплекс, черты общественного и семейного уклада, этническая идентификация. В приложении помещены образцы лексики и фольклора камчадалов, список репрессированных камчадалов с. Гижига, список жителей камчадальского происхождения по населенным пунктам, фотографии (фотографии и рисунки есть также в самом тексте).

Можно сделать несколько замечаний по структуре книги. На мой взгляд, в главе “Черты общественного и семейного уклада” неуместны описание традиционного хозяйственного календаря камчадалов, а также небольшие по объему, но ценные материалы о верованиях, обрядах, праздниках и языке. Проблемы этнической истории и идентификации камчадалов, как неразрывно связанные между собой, можно было бы рассмотреть в соседних, а не в далеко отстоящих друг от друга первой и последней главах. Зависимость формирования этничности камчадалов от смены исторических периодов, государственной политики подчеркивает и сама исследовательница, выделяя дореволюционный, или сословно-этнический, советский, или камчадальский, и постсоветский, или ительменский, периоды (с. 13).

Метисное население северного Приохотья было неоднородным по этническому составу. Большая заслуга Л.Н. Хаховской – выявление этнической истории отдельных территориальных групп камчадалов. Опираясь на документы государственного архива Магаданской обл., особенно материалы дореволюционной церковной статистики, она выяснила историю тауйских, арманских, ольских, ямских, гижигинских камчадалов. Оказалось, что в Тауйске исходными этническими элементами их формирования послужили русские, обрусевшие якуты и эвены; в Армани и Оле – русские, оседлые тунгусы и “сидячие” обрусевшие коряки; в Ямске – русские и “сидячие” коряки, в Гижиге – русские казаки и их потомки, коряки, эвены. Важен вывод автора о том, что ко второй половине XIX – началу XX в. камчадалы могли заключать браки уже в своей, смешанной среде. Именно к этому времени она относит окончательное формирование камчадальского самосознания и “расцвет этнической группы”. В то же время Л.Н. Хаховская отмечает открытость этой группы населения для иноэтничных влияний, которые особенно усилились в советское время и, вместе с политикой государства, привели к ее размыванию. Автор отмечает, что “группа камчадалов Магаданской области на протяжении всей своей истории представляла собой сложное и подвижное этническое образование, быстро реагирующее на иноэтничное воздействие” (с. 71).

На основании архивных и статистических материалов, литературных источников Л.Н. Хаховская прослеживает изменение численности камчадалов на протяжении их истории. Автор книги озоотнает, что “статистические сведения довольно противоречиво отражают численность охотских камчадалов и не всегда сопоставимы” (с. 49). В результате скрупулезных подсчетов (в том числе по территориальным группам) она выяснила, что в 1930-е годы численность камчадалов составляла около 1600 чел., уменьшившись по сравнению с дореволюционным периодом на 200 чел. (с. 69). По ее данным, сегодня численность камчадалов/ительменов в Магаданской обл. – чуть более тысячи человек (это меньше, чем в начале XX в.); из них примерно 800 человек числятся ительменами (с. 278). Я проводила полевые работы в Магаданской обл. в 1997–2002 гг. Обращаясь в ассоциации народов Севера, в областную и местные администрации, в статистическое управление, я всегда получала разноречивые сведения о численности камчадалов. Так, сведения Магаданского областного управления статистики на 01.01.2002 г., полученные мной, расходятся, хотя не всегда значительно, с цифрами, приводимыми в таблицах 24, 25, 26 рецензируемой книги (в этих таблицах нет сносок на источник их составления). По этим же данным, официальная численность ительменов в Магаданской обл. в 2002 г. составила 307 чел.⁵

Имея дело с “подвижным этническим образованием”, нельзя ожидать точности от статистических подсчетов. Трудности объясняются как внешними, так и внутренними причинами. Первые связаны с недостатками учета или ошибками исследователей, вторые – со спецификой самого “объекта” статистического учета, который время от времени меняет идентичность под влиянием различных обстоятельств, главное из которых – государственная политика. Особую сложность представляет определение численности камчадалов во второй полови-

не XX в., поскольку с 1959 г. переписи населения их не учитывали. С 2001 г. камчадалы официально включены в список малочисленных народов России и в переписные листы 2002 г. (правда, указана лишь одна территория их проживания – Камчатская обл.). По последней Всероссийской переписи, общая численность камчадалов в России в 2002 г. составляла 2 422 чел., ительменов – 3 474 чел.⁶ Данные переписи по регионам будут доступны позднее.

Особенности хозяйства и быта, общественной жизни, верований, языка отличали и до сих пор отличают камчадалов Магаданской обл. от их соседей. В книге хорошо показано, что влияние аборигенной культуры более всего сказывалось на системе жизнеобеспечения – хозяйстве, материальной культуре (жилище, пища, одежда). Основными хозяйственными занятиями камчадалов были неводное и сетное рыболовство, транспортное собаководство, огородничество, морской зверобойный промысел, охота и собирательство. Л.Н. Хаховская прослеживает развитие этих отраслей хозяйства в дореволюционное и советское время. Анализ материальной культуры камчадалов представляет собой сложную задачу, так как исследователь должен быть хорошо знаком с культурой не только русских, но и соседних народов – коряков, эвенков, якутов. В большинстве случаев Л.Н. Хаховская не ограничивается описанием того или иного предмета, стараясь проследить его происхождение и эволюцию.

Хозяйство и быт камчадалов значительно изменились за последние десятилетия, оказавшись наименее устойчивыми признаками в условиях коллективизации, распространения всеобщей грамотности, урбанизации и унификации культуры. Возможно, поэтому на первый план в конце XX в. выдвинулась русская составляющая культуры камчадалов. В духовно-религиозной жизни ее основой были православие и связанные с ним праздники и бытовые обряды. Одновременно широко бытовали анимистические верования, что было характерно для многих групп русских старожилов Сибири за исключением староверов. В повседневной речи употреблялся русский язык с существенными диалектными особенностями и заимствованиями.

Показав нивелировку этнических признаков камчадалов за последние примерно 50 лет, Л.Н. Хаховская задается вопросом: что же делает камчадалов камчадалами в нынешних условиях? Она предлагает различать этнические признаки по степени их устойчивости к внешним влияниям. На этом основании ею выделены три группы этнических признаков: устойчивые (постоянные), умеренно-изменчивые и с высокой степенью изменчивости. К группе устойчивых признаков, в том числе со слов самих информантов, автор отнесла родственные связи и особенности антропологического типа (фактически это биологическая компонента этнической группы); ко второй – язык, самосознание, самоназвание и другие проявления духовной сферы; к третьей – хозяйственные занятия и материальный комплекс. Автор не углубляется в эти чрезвычайно интересные и сложные теоретические вопросы, оставляя их, по-видимому, для дальнейшей работы.

В книге рассмотрена история перевода камчадалов Магаданской обл. в “ительмены”, их поведение при определении этнической идентичности в условиях направленного внешнего воздействия. Очередная административная мера – обмен паспортов, где не указывается национальность их владельцев, “порождает у камчадалов Магаданской обл. справедливое опасение в возможности и впредь реализовывать свои основанные на этничности права” (с. 270, 272). Добавлю, что точно такие же опасения испытывают и другие коренные народы Севера. Поэтому льготы в отношении доступа к биоресурсам в небольших населенных пунктах, где люди хорошо знают друг друга, реализуются скорее на основе обычного права, а не официальных постановлений, для приведения которых в действие сначала нужно доказать свою этническую принадлежность. Главный вывод, который Л.Н. Хаховская делает вслед за О.А. Мурашко⁷, состоит в том, что “в настоящее время потомками камчадалов Магаданской области могут быть признаны те местные уроженцы, предки которых проживали в крае не позднее конца XIX – начала XX в., независимо от их этносословной принадлежности” (с. 272).

Книга посвящена 50-летию Магаданской обл., ее тираж, к сожалению, очень мал – 200 экз. Она сразу же разошлась, причем не только среди ученых, которые ощущают дефицит этнографического материала о смешанном населении Сибири, но и среди самих камчадалов. Для последних книга стала справочным пособием и одновременно обоснованием права на собственный этноним и установленные недавно законом льготы как одного из малочисленных народов России. Как это изменит сложившуюся реальность, при том что большинство камчадалов Магаданской обл. до сих пор официально числятся “ительменами”, покажет недалекое будущее.